

На правах рукописи

Свищева Наталья Александровна

**ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ
В ЖИТИЙНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XV–XVII ВЕКОВ: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань
2013

Работа выполнена на кафедре русского языка Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»

Научный руководитель: **Киржаева Вера Петровна** доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Жолобов Олег Феофанович**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Заиконникова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков КНИТУ-КАИ.

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита состоится «31» октября 2013 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Режим доступа <http://kpfu.ru>

Автореферат разослан «...» сентября 2013 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования эволюции морфологических норм житийно-повествовательной литературы на протяжении XV-XVII вв. определяется прежде всего важностью изучения различных форм «проявления сознательного отношения к языку», без должного внимания к которым, как подчеркивает В.М. Марков, «невозможны ни полноценная разработка вопросов исторической грамматики, ни, тем более, разработка вопросов истории литературно-письменной нормы» (В.М. Марков, 2001). При особой значимости в истории русского литературного языка эволюции норм и житийной литературы в целом, как самой распространенной в круге чтения русского средневековья (Н.К. Гудзий, Д.С. Лихачев, Б.И. Берман и др.), и, в частности, ее «пограничного» житийно-повествовательного типа, объединяющего в XIV-XV вв. церковнославянскую и русскую нормативные традиции (М.В. Иванова, 1998), недостаточно изучены конкретные нормализаторские тактики, которые проявляются в различных редакциях житийно-повествовательных памятников XV-XVII вв., реализующих единую стратегию приближения к агиографическому канону. Наконец, российское историко-лингвистическое сообщество лишь в 1990-е годы обратилось к сформулированной еще в 1929 году задаче «научной разработки истории церковнославянского языка вплоть до нового времени» (Тезисы Пражского лингвистического кружка, 1967).

Разработанность темы исследования. Изучение морфологических норм различных в жанровом отношении памятников средневековья вызывает устойчивый научный интерес. Важность изучения морфологических норм отмечается всеми историками языка (Р.И. Аванесов, В.М. Живов, А.А. Зализняк, М.Л. Ремнева, Б.А. Успенский, Г.А. Хабургаев и др.). Употребление претеритов в различных в жанровом отношении памятниках XIV-XVII вв. рассматривается в работах С.П. Лопушанской (1975, 1990), Л.Ф. Копосова (2000), В.П. Киржаевой (1986, 2008), С.А. Никифоровой (1995), О.Н. Кияновой (2007), П.В. Петрухина (2003), Е.Е. Серегиной (2006), Е.А. Подшиваловой (2009) и др. Отдельным аспектам грамматического строя церковнославянских памятников, включая и функционирование глагольных форм, а также тенденциям грамматической нормализации в богословских и богослужебных текстах посвящены исследования Е.И. Кисловой (2007), Л.П. Клименко (1996), С.И. Пановой (2009), Хан Джи Хен (2010), статьи Б.А. Гаспарова (2003), Н.В. Островской (2006), А.М. Камчатнова (2007), Э.И. Биккининой (2010) и др.

В последние десятилетия очевиден растущий интерес к исследованию житийного жанра русской средневековой литературы. Проблемам жанра жития посвящены работы С.А. Демченкова (2003), С.В. Минеевой (2003), А.В. Растягаева (2008), Л.Я. Мещеряковой (2009), изучению поэтики – работы Л.В. Солоненко (2006), М.В. Первушина (2008), литературной истории житийного текста – работы Д.Б. Максимовой (2001), Е.А. Полетаевой (2005), Т.Б. Карбасовой (2007), А.Л. Лифшица (2012) и др.

Предметом историко-лингвистического исследования становятся лексические особенности житий в работах Е.Г. Дмитриевой (2005), Ю.В. Митиной (2006), Н.А. Пикалевой (2008), И.С. Юрьевой (2009); структурно-семантическая и синтаксическая организация текста житий – в работах И.Ю. Абрамовой (2004), Н.В. Николенковой (2000); ритмообразующая и текстообразующая функции ударения в житиях XVII в. с привлечением разновременного материала повествовательной и житийной литературы – в работе О.В. Ушаковой (2003); приемы и средства текстопостроения, словообразования и синтаксиса в списке Жития Авраамия Смоленского XVI в. – в работе Д.Р. Шакировой (1999); словообразовательная синонимия в списках XII–XVI вв. Жития Бориса и Глеба – в работе Т.Н. Павловой (2008); проблемы славянских переводов житий – в работе Д.Б. Тюняевой (2008). Безусловна практическая значимость полных словоуказателей к ряду агиографий XV – начала XVII в. (в их числе и «Повесть о Петре и Февронии»), составленных филологами Санкт-Петербургского университета (1987, 1988, 1993, 1996).

Особое значение в контексте нашего исследования имеют работы Л.Р. Абдулхаковой (2007), Ю.Н. Брыковой (2005), И.В. Герасимовой (2009), А.В. Духаниной (2008), В.М. Живова (1996, 2004), О.Ф. Жолобова (1998), О.А. Кибы (2009), М.Л. Ремневой (2003), Т.П. Рогожниковой (2003), Р.Р. Сабитовой (2004), Н.А. Стародубцевой (2008), Е.В. Терентьевой (2008) и др., в которых в том или ином аспекте, в ряде работ – в нормативном, представлен анализ интересующих нас глагольных форм в житиях.

Объектом исследования в нашей работе являются морфологические нормы памятников житийно-повествовательного жанра и тенденции их эволюции на протяжении XV–XVII вв.

Предмет исследования – качественные и количественные характеристики употребления глагольных форм прошедшего времени, 2 лица ед. числа настоящего времени, инфинитива и двойственного числа в разновременных редакциях и списках старорусских житийно-повествовательных памятников.

Цель исследования – выявление тенденций нормализации в употреблении глагольных форм прошедшего времени, 2 лица ед. числа настоящего времени, инфинитива и двойственного числа в старорусских редакциях и списках житийно-повествовательных памятников.

Целью исследования определяются его **задачи**:

1. На основе сплошной выборки претеритальных форм в определяемых как авторские списках произведений выявить и описать парадигму каждой формы; сопоставив количественные характеристики употребления претеритов, установить их соотношение; проанализировать вариативность в формообразовании; дать аспектуальные характеристики аориста и имперфекта в связи с реализацией их грамматической семантики; установить наиболее продуктивные лексико-семантические группы претеритов.

2. Выявив варианты форм 2 лица ед. числа настоящего времени и форм инфинитива и сопоставив количественные характеристики их употребления, определить нормы, характерные для авторских списков каждого памятника.

3. В ходе анализа всех дуальных контекстов в авторских списках каждого памятника выявить и описать варианты форм 'флексии дуалиса / флексии плюралиса в.м. дуалиса / флексии сингуляриса в.м. дуалиса'; сопоставив реализацию претеритами и другими глагольными формами и именами «верного» формообразования, установить степень характерности для претеритальных форм категории двойственного числа.

4. Установить морфологические различия между авторским списком памятника и его последующими редакциями; в употреблении претеритальных форм определить характер редакторской правки (исправление неверного употребления, усиление нормативной ориентированности текста), в реализации категории двойственного числа проследить усиление~ослабление дуалиса как маркера книжной нормы, в формах 2 лица ед. числа настоящего времени и инфинитива установить изменения в соотношении церковнославянских и русских финалей.

5. На основе сопоставления выявленных норм определить основные тенденции нормализаторских стратегий, реализуемых в различных редакциях каждого памятника, и общие тенденции, проявляющиеся в нормировании житийно-повествовательной литературы на протяжении XV–XVII вв.

Источниками фактического материала исследования явились 12 разновременных редакций и списков памятников старорусской житийно-повествовательной литературы.

«Повесть о житии Михаила Клопского» (ЖМК), созданная с ориентацией на житийный жанр, но синтезирующая и сказочно-новеллистические, легендарные или сюжетно-повествовательные черты (см.: Д.С. Лихачев, 1980; Л.А. Дмитриев, 1973; Н.К. Гудзий, 2003; В.В. Кусков, 2006), анализируется в четырех вариантах: близкие к авторскому тексту варианты А и Б первой редакции (до 1480); восходящая к авторскому тексту, но в большей степени ориентированная на житийный канон вторая редакция (1490-е); написанная для Великих Миней Четьих В.М. Тучковым третья редакция (1537).

«Повесть о Петре и Февронии» (ППФ) церковного писателя и публициста Ермолая-Еразма, характеризующаяся как житие (Д.С. Лихачев, 1980; М.Л. Ремнева, 1995; О.В. Творогов, 2005), житийная повесть с фольклорными мотивами (Н.К. Гудзий, 2006; М.О. Скрипиль, 1949), житие с формирующимися элементами бытовой повести (В.В. Кусков, 2006; С.В. Минеева, 2002), анализируется в двух редакциях: наиболее близкая к архетипу первая редакция (сер. XVI) и направленная на большее соответствие канонам житийного жанра редакция патриарха Гермогена (1590-е).

«Повесть о рязанском епископе Василии» (ПЕВ), созданная в ближайшем окружении Ермолая-Еразма и определяемая как агиография (Д.С. Лихачев, 1980; А.В. Архангельская, 2011), повесть о чудесах от иконы (Р.П. Дмитриева, 1977), нетипичное житийное произведение с фольклорной подосновой (М.В. Кривошеев, 2000), анализируется нами в трех списках первой редакции: старший список основного вида в составе Соловецкой рукописи

(сер. XVI); список второго вида в составе Минеи Четиих священника Иоанна Милютина (1646–1654); рукопись из собрания Долгова (XVII).

«Повесть об Улиянии Осорбиной» (ПУО), наиболее дискуссионная в определении жанра, который определяется, с одной стороны, как житийно-биографическая повесть (Д.С. Лихачев, 1980; М.Л. Ремнева, 1988; В.В. Кусков, 2006), народное житие (М.А. Уральская, 2010), агиография с элементами бытовой повести (М.М. Лоевская, 2011), светское повествовательное произведение с агиографическими чертами как невольной данью традиции (М.О. Скрипиль, 1948), с другой стороны, как собственно агиография (Т.Р. Руди, 1996), «именно житие, отражающее новые черты литературы XVII в., а не бытовая повесть» (Л.В. Солоненко, 2006), анализируется в трех списках близкая к архетипу первая редакция (1620–1630-е); в большей степени ориентированные на житийный канон два списка второй редакции (1638–1651).

Объем фактического материала в результате сплошной выборки составил 4879 форм претерита, 2 лица ед. числа презенса, инфинитива и дуалиса.

Методология исследования основана на принципах системности и историзма в изучении языковых явлений.

Целью и задачами диссертации определяется комплексность анализа, который базируется на *синхронно-диахронном подходе* к изучению языковых явлений, реализуемом при выявлении морфологических норм близкой к протографу редакции памятника и их изменений в корпусе последующих редакций, а также при определении тенденций эволюции нормализаторских стратегий редакторов на протяжении XV–XVII вв.; что предполагает *аналитическое описание, сопоставление, лингвистическое обобщение* и позволяет дать наиболее полное представление о языковой эволюции (И.С. Улуханов, 1992; Э.А. Балалыкина, 2001; Е.Г. Дмитриева, 2005; Е.В. Терентьева, 2008).

Грамматическое значение глагольных и дуальных форм определялось на основе функционально-семантического анализа их употребления в контексте. Общее грамматическое значение формы понимается как семантическое содержание, отличающее грамматическую форму от других членов данной системы форм, собственные функции формы – как относящиеся к той функционально-семантической сфере, которую представляет данная форма, и не-собственные функции – как дополнительные семантические нагрузки (А.В. Бондарко, 2002); норма – как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» (Н.Н. Семенюк, 1970); адекватность ее установления обеспечивается *учетом качественных и количественных характеристик употребления* анализируемых форм.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые дано системное описание эволюции конкретных норм и общих нормализаторских стратегий в редактировании текстов житийно-повествовательного жанра на протяжении XV–XVII вв.; осуществлен анализ морфологических норм редакций и списков житийно-повествовательных памятников по корпусу показателей, безусловно определяемых в истории языка как основные маркеры

книжности для письменности русского средневековья, – формы претеритов, 2 лица ед. числа настоящего времени, инфинитива, дуальные формы претеритов в общем корпусе всех дуальных форм текста; реализован комплексный подход к выявлению морфологических норм с учетом качественных и количественных их критериев на материале сплошной выборки каждой формы; введены в оборот историко-лингвистического исследования три списка «Повести о епископе Василии», в том числе один рукописный, и два списка второй редакции «Повести об Улиянии Осорьбиной».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что на основе исследования значительного лингвистического материала, который выявлен в ходе сплошной выборки и частью впервые введен в научный оборот, представлены синхронное описание морфологических норм старорусских памятников житийно-повествовательной литературы и диахронный анализ их эволюции в различных списках и редакциях XV–XVII вв. Полученный в работе обширный фактический материал является базой для решения теоретических проблем формирования и эволюции грамматических норм старорусского книжно-письменного языка, а также применим в нормативной интерпретации истории церковнославянского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут стать основой для изучения рассмотренных грамматических норм в последующие периоды развития житийного жанра; использоваться в преподавании вузовского курса истории русского языка, при разработке и чтении спецкурсов и курсов по выбору по исторической морфологии и истории грамматической нормы; при создании учебных пособий по истории русского литературного и церковнославянского языков.

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследуемые памятники житийно-повествовательной письменности являются одним из важных источников изучения истории русского литературного языка и его норм на протяжении XV–XVII вв. Значимость результатов их лингвистического анализа обусловлена отражением в них основных направлений трансформации древнерусского житийного жанра и распространением их в многочисленных списках и редакциях.

2. В ранних, близких к авторским редакциях «Жития Михаила Клопского», «Повести о Петре и Февронии», «Повести о епископе Василии» и «Повести об Улиянии Осорьбиной» в употреблении форм претеритов, 2 лица ед. числа настоящего времени, инфинитива и дуальных форм претеритов в общем корпусе всех дуальных форм текста церковнославянская норма отражается с различной степенью вариативности, объясняемой как жанровой спецификой исследуемых памятников, так и уровнем владения системой книжных норм их авторами.

3. В редакциях и списках памятников на протяжении XV–XVII вв. в претеритальной парадигме, в оформлении финалей инфинитива и презенса 2 лица ед. числа последовательно проявляется тенденция к усилению строгости

нормы; двойственное число осознается как маркер книжной нормы, однако его оформление демонстрирует высокую вариативность.

4. На протяжении XVI – первой половины XVII в. в структуру предиката с претеритальным значением активно включаются именные формы причастий, которые также становятся маркерами строгой церковнославянской нормы житийно-повествовательной письменности.

Апробация работы. Основные положения и результаты работы обсуждались на международных конференциях в гг. Саранске (2012), Уфе (2013), на Огаревских чтениях (2010, 2011), научных конференциях молодых ученых (2005, 2010, 2011) и заседаниях кафедры русского языка Мордовского университета, а также отражены в 7 публикациях, 3 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации определяется ее целью, задачами и методами исследования: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научных работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются его объект и предмет, цель и задачи, характеризуются источники и методы исследования, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «Эволюция норм употребления глагольных форм в “Повести о житии Михаила Клопского”» посвящена качественному и количественному анализу 2230 форм глагола и выявлению тенденций нормализации их употребления в редакциях ЖМП XV–XVI вв.

Анализ полученных результатов показывает следующее:

1.1 Система претеритов в первой редакции (вариант А) ЖМП представлена формами аориста и перфекта, использование которых отражает противоположные тенденции нормативной стратегии автора: с одной стороны, ориентацию на церковнославянскую норму, с другой, – влияние процессов, закрепленных живой речью.

Осознание простого претерита как маркера книжной нормы проявляется в составе парадигмы, образуемой формами аориста и перфекта с несущественным преобладанием перфекта (52 и 48%).

Влиянием живой речи обусловлены отсутствие имперфекта и преобладание среди перфектных *-л*-форм (111:212, 88%); позиция глагола-связки перфекта, когда энклитика (в том числе и вспомогательный глагол) ставится после имеющего автономное ударение первого слова фразы: *не обрел есми, но еси пришел*; диалектизмы в передаче древненовгородского *тъ велил, по-смотрил, досмотриша* и в оформлении перфектной связки 1 лица ед. числа *не обрел есми*; функциональная полисемантичность бессвязочного перфекта, например: *И по всем по городцким ездил год по монастырем да полтора месяца <...> И ездил владыка и в Смоленско и стал владыкою. И приехав вла-*

дыка опять и к Михаилу: «Бог мене **свершил** и митрополит», позволяющая квалифицировать его как универсальный претерит; параллельное с претеритами употребление форм *praesens historicum* (43:255, 17%): *И усмотри купец Михаила, аже раб божий Михаила за корму же держитъ. И бысть тишина велика. И махнет рукою, и поступи корабль.*

1.2 В первой (Б) редакции намечена тенденция к более строгой норме: появляются формы имперфекта (5:240, 2%), возрастает употребление аориста (121:240, 57%), поэтому простые претериты становятся преобладающим средством выражения прошедшего действия (58%), сокращается употребление форм *praesens historicum* (19:259, 7%). Но сохраняется и противоположное влияние в функциональной полисемантичности *-л-*форм (лишь 16:99, 16% собственно перфектного значения); в смешении форм ед. и мн. числа аориста (*И **даша** (вм. дать) един от них 100 бел на трапезу*); в упрощении суффикса *-л-*формы в основах на согласный *он сам в воду летел да мало **не утон***; в широком употреблении диалектизмов в перфектной связке *взял есми* и в передаче *ѣ* в аористе *повели, посмотри*.

1.3 Во второй редакции нормализаторская тенденция усиливается за счет существенного увеличения имперфекта (95:551, 17%), сокращения *-л-*форм (106:551, 17%), введения плюсквамперфекта с имперфектной связкой (*Понеже узна, яко не утаися от игумена и братии, и **хотел** бо **бѣше** в скровѣне месте жити преподобный*) и, в результате, отражения полной претеритальной парадигмы. Маркерами церковнославянской нормы выступают также древний нетематический аорист 1 лица мн. числа *рехом*; нестяженные формы имперфекта *бѣше* (4:103, 4%); перфект со связкой 3 лица в сакральном нарративе (*господь бог **препитал** **есть** четыредесять тысяць мужий в пустыни разве жен и детей; **писал** бо **есть** Давыд пророк*); контаминанты 'презенс глагола-связки + аорист' *есть улучих* и 'имперфект глагола-связки + презенс/именное причастие' *бѣше **есть**, бѣше **мысля***; сохранение в причастного суффикса *погибл бѣше*, но непоследовательное – *обрекъся* как отражение живой речи.

Ее влиянием обусловлены и случаи смешение форм ед. и мн. числа простых претеритов (12:498, 2.4%); формы *praesens historicum*, как сохранившиеся от протографа, так и новые; функциональная полисемантичность *-л-*форм.

1.4 Тучков следует строгой церковнославянской норме: система претеритов представлена формами простых претеритов (492:496, 99%) и присвяточного перфекта (4:496, 1%); финаль *-ть/-т(ь)* оформляет 3 лицо ед. числа аориста не только от односложных основ ***изъявит**, **начат**, **отят***; возрастает употребление нестяженного имперфекта *имеяше, **имеяху*** (5:76, 7%).

2 Анализируемые тексты демонстрируют невысокий уровень корректного оформления дв. числа в ранних редакциях (ред.1А – 6:24, 25%; ред.1Б – 3:29, 10%; ред.2 – 12:71, 17%); в Тучковской редакции этот уровень значительно выше (24:51, 47%). Эта тенденция не касается претеритов, во дуальных контекстах имеющих формы ед. или мн. числа: *два же от них **не вкусиша** брашна; оба **впадоша**; И рече им игумен и блаженный старецъ.*

3 В оформлении финали инфинитива в текстах существенно преобладает церковнославянская *-ти* и последовательно сокращается отражение русской финали (16:60, 27%; 13:62, 21%; 19:143, 14%). Однако с учетом общих тенденций, по которым в книжных текстах XI–XVI вв. формы на *-ть* единичны и активизируются лишь в некнижных текстах XV–XVI вв. (В.М. Живов, 2004; С.Д. Никифоров, 1952), необходимо уточнение нашего вывода: несвойственно большое для периода и жанра отражение *-ть* в первой и второй редакциях указывает на отражение ими некнижной нормы, что преодолевается в Тучковская – с единственной формой на *-ть*, подчеркнем, в книжной конструкции *дньсь будеши нем, ни двигнутя могый, ни очима възрети*).

Выявлена различная степень вариативности финали: в возвратных формах с *-ся* в постпозиции *-тися/-ться* русская инновация наиболее активна (ред.1А – 1:4, 25%; ред.1Б – 4:5, 80%; ред.2 – 3:10, 30%; Туч.ред. – 1:24, 4%); ниже ее уровень в формах на *-ти/-ть* (15:49, 31%; 9:48, 19%; 16:116, 14%; нет); формы *-щи(-чи)* и *-'сти* безвариантны.

4 В оформлении финали презенса 2 лица ед. числа в первой А редакции существенно преобладает русская инновация *Поездиши по монастырем, попросиши у бога милости!* (10:14, 71%), что соответствует в XV–XVI вв. норме старорусской письменности некнижного типа (В.М. Живов, 2004). Но уже в более поздних редакциях XV в. преобладает *-ши* (72% и 65%), а в редакции Тучкова она безвариантна.

5.1 Таким образом, близкая к авторской редакция ЖМК в употреблении претеритов отражает активное взаимодействие церковнославянской и русской систем норм XV в. с преобладанием русских инноваций по всем критериям – отсутствие имперфекта, употребление *-л*-форм, оформление инфинитива, 2 лица и дуалиса претеритов. Как показывает анализ разночтений в текстах с последней трети XV по первую треть XVI в., для них характерно последовательное усиление ориентации на церковнославянские нормы.

Общее содержание правок было уточнено нами в ходе пословного сопоставления текста эпизода «чудо об источнике» во всех редакциях, которое указывает на усиление роли причастных форм в результате таких правок:

различные типы замен: аорист → *-л*-форма → аорист (*и покопа мало*, 1А → *и мало покопали*, 1Б → *и паки мало покопа*, 2; *И поиде игумен с Михайлом на берег*, 1А → *И Феодосей игумен шод взял с собою Михаила*, 1Б → *и скоро поиде с блаженным с Михайлом на берег*, 2 → *и шед призва блаженаго Михаила*, Туч.), аорист → *-л*-форма → именное причастие (*сотвори молитву*, 1А – *створили*, 1Б – *сотворив молитву*, глаголя, 2 – *преклонь колене, начат молиться*, Туч.); аорист → конструкция 'дательный самостоятельный' (в *Веряжи вся вода высохла*, 1А, 1Б, 2 – *но и рекам пресыхающим*, Туч.);

замена бессвязочного предиката со страдательным причастием в составе как отражение живой речи (К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев, 1981) (*аже/что написано/писано на песку*, 1А, 1Б, 2) церковнославянскими субстантивированным употреблением именного причастия (*и обрете на песце на брезе на-*

писано сице) и атрибутивным употреблением местоименного причастия (*и показа ему написанное место*) в Тучковской редакции;

вытеснение форм *praesens historicum* как в результате отказа от вторичной флексии аориста 3 лица: *и спросит* игумен у Михаила... *и Михайло молвит*, 1А → *И Феодосей... молвит. И он молвит*, 1Б → *И глагола* игумен блаженному Михайлу... *Отвеща* блаженный, 2 → *игумен... рече... Он же рече*, Туч.; так и в результате замены его именным причастием в атрибутивной функции: *и поиде пономарь по водицу к церкви, аже Михаила пишет на песку*, 1А → *поиде пономарь по водицу к святой церкви на брег реки и узре преподобнаго Михаила пишуца на песку* *слова книжными*, 2 → *изыде пономарь к реце, глаголемей Веряжи, взяти воды к божественей службы, и зрит святаго, пишуца* *слова книжная на песце*, Туч. (введенная форма *praesens historicum* *зрит* скорее осознанный стилистический прием);

характерное для письменности XVII в. как маркер книжной нормы «второстепенное сказуемое» – конструкция ‘причастие при личном глаголе речи или восприятия’ (Б.А. Успенский, 2002; Л.Р. Абдулхакова, 2007) отражает общую тенденцию формирования деепричастия: единичное в ранних редакциях – *игумен шод взял с собою Михаила*, 1Б; *приступя пономарь, поведя* *игумену Михайлово писмо*, 2; оно регулярно в Тучковской – *видев же сия игумен, удивися и шед призва* *блаженаго Михаила; Он же, преклонь колене, начат молитися; Видев же сия игумен, и прослави* *бога*.

Нормативная соотнесенность вводимых форм указывает на активизацию их роли в нормализации житийного текста.

5.2 Нарративная и нормализаторская стратегия редактора отражает не только стремление к реализации норм агиографического жанра, но и зарождающиеся элементы художественного повествования и усиление авторского начала, что проявляется при сопоставлении наиболее продуктивных лексико-семантических групп простых претеритов. Глаголы речи наиболее активны в обоих вариантах первой редакции (25% и 33%); во второй редакции их употребительность несущественно выше претеритов бытия (18% и 12%); переработка текста В.М. Тучковым сокращает объем глаголов движения и бытия (10% и 4%) и существенно разнообразит претеритальную лексику жития.

Во второй главе «Эволюция употребления глагольных форм в различных редакциях “Повести о Петре и Февронии” и “Повести о епископе Василии”» выявляются нормативные тенденции в редакциях XVI – начала XVII в.

В первом разделе проведен анализ претеритов в редакциях Ермолая-Еразма, хорошо знавшего житийный канон, но до конца не подчинившего ему нарратив ППФ (М.О. Скрипиль, 1949), и патриарха Гермогена, что позволяет сделать определенные выводы.

1.1 Претеритальная система авторского списка отражает ориентацию на церковнославянскую норму, маркерами которой являются полная парадигма, включающая существенно преобладающие формы аориста (277:326, 85%) и имперфекта (37:326, 11.3%), присвяточный перфект (11:326, 3%) и форму плюсквамперфекта с имперфективным аористом в связке *бе не помазал*; а

также вторичные флексии форм аориста 3 лица ед. числа *прият, поят, пит, начат, даст/дать* и имперфекта 3 лица мн. числа *хотяхуть*; сигматический аорист *рех* и нестяженный имперфект *недоумевашеся, имеяше* (5:37, 14%). Для текста характерны формы именного причастия в функции «второстепенного сказуемого» – *Благоверный же князь Петр **взем** меч той, прииде и поведи брату своему*, и предиката – *Он же вторицею **послав** к ней, **глаголя***, а также контаминированные конструкции ‘причастие + глагол состояния’ *не бе не преложи, бе ходя, есть хотя мя врачевати, есмь хотя, беху державствующе*, определяемые как органическая принадлежность церковнославянского синтаксиса (Б.А. Успенский, 2002; Л.Р. Абдулхакова, 2007).

Влияние живой речи проявляется в немногочисленных случаях аномального формообразования претеритов: *преподобная Еуфросиния ... **ишяше** воздух, на нем же **бе*** (ед.ч. вм. мн. *беша*) *лики святых; князь же **дивлеса** ответу ея* (ср. разночтения в других списках *удивлься / дивься / дивляшеся* и аналогичные контексты с формой имперфекта *Юноша же той не разуме глагол ея, **дивляшеся**, зря и слыша вещь подобну чудеси; На утрии же узрев си все тело здорово и гладко... **И дивляшеся** скорому исцелению); **И беху** (вм. имперфектной основы *бя-*) *державствующе во граде том*.*

Автор сознательно использует маркеры разных нормативных систем, что подтверждает пример с *praesens historicum*, придающим нарративу сказовый характер, и конструкцией «дательный самостоятельный», формами причастия–«второстепенного сказуемого», аориста и архаичного презенса: *Во един же от дний **неприятнево**му тому змию **прииди**ю к ней. Она же добру память при сердцы **имея**, глагол с лестию **предлагает** к неприязни той, **глаголя** многи иныя речи, и по сих с почитением **воспросив** его, **хваля, рече** бо, яко «много **веси**, и **веси** ли кончину си, какова будет и от чего?»*

1.2 В редакции Гермогена, несмотря на цель приблизить авторский текст к канону для включения его в Минеи Четии, проявляются противоположные нормализаторские тенденции. Ориентацией на церковнославянскую норму обусловлены сохранение состава претеритальной парадигмы и соотношения употребительности форм претерита; исправление аномальных образований (*дивлеса* → *дивься*, *беху* → *бяху*); замены *praesens historicum* формами аориста (*предлагает* → *начат простирати глаголы*, *отходит* → *отиде*, *бывает* → *пребысть*); как гиперкорректные церковнославянизмы выступают контаминанты *суть обретаются, бы седяше*.

Противоположная тенденция к «обмирщению» нормы проявляется в заменах форм нестяженного имперфекта стяженными *недоумевашеся* → *недоумевашеся*, *имеяше* → *имяше* (2:5, 40%); аориста с вторичной флексией формами без нее *пит* → *испив*, *пит* → *испи*, *начат* → *нача*, *дать* → *даде* (4:6, 67%); аориста – перфектом со связкой *повеле* → *повелел есть*, *рече* → *рекла еси*, *прииде* → *пришел еси*, *вниде* → *вшел еси* (4:12, 36%); аориста и перфекта со связкой → -л-формой *украси* → *украсил*, *есть убил* → *убил* (2:12, 18%). Собственно влиянием живой речи объясняются аномальные формы *сказала есть* (вм. *сказала еси*), *идоша* (вм. *иде*), *после* (вм. *посла*).

Достаточно регулярны замены причастия–вспомогательного сказуемого или сказуемого формами аориста (*почтив* → *почте*, *послав глаголя* → *посла глаголя*, *рек* → *рече*), имперфекта (*пред нею же скача заец* → *пред нею же скакаше заяц*), перфекта (*глаголя* → *сказала ми есть*). Показательна замена конструкции «дательный самостоятельный» конструкцией ‘претерит + страдательное причастие’: *острупленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия, его же **есть убил** своею рукою* → *Князь же мой имеет болезнь зело тяжку и люту ...понеже **окровавлен бе** от неприязненнаго летящаго змия, его же **убил** своею рукою*, – где меньшая «строгость» нормы усиливается -л–формой. Аналогична замена трансформированного «дательного самостоятельного» презенсом глагола: *яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе **лежаще**, духом же предстоита владыце Христу!* → *тем же и Христос даде вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе **лежат***. Однако сохраняется и «дательный самостоятельный» оригинала: *Мне же, **не косневишу никамо же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей**, и не свем и чюжуся, како брат мой напреди мене обретесе?*

2 В авторской редакции дуалис осознается как маркер церковнославянской нормы (55:154, 36% флексий дв.ч.), что усиливается гиперкорректными формами дв. числа в одном контексте с корректными мн. числа (61:154, 40%) – *По преставлении же ею **хотеста людие**, яко да положен будет блаженный князь Петр внутрь града... Наутрии же, вставше, **людие обретоша** гроби их особня тици, в ня же их **вложиста***. Корректное оформление реализуют аорист и имперфект *приидоста, беста, предаста, пожиста, живяста*; перфект в дуальных контекстах дан во мн. числе – *отец мой и мати моя **идоша*** (вм. *идоста*) *взаем плакати, **или бо суть*** (вм. *шла еста*) *на погребение мертваго*. С учетом гиперкорректных форм употребление дуалиса претеритов (10:22, 45%) выше, чем в целом имен и глагола.

В редакции Гермогена в результате правки (*Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония **возвратишася** во град свой* → ***возратистася***) уровень корректного оформления дуалиса претеритов возрастает (9:17, 53%, с учетом гиперкорректных форм аориста 10:17, 59%).

3 Оформление финалей презенса 2 лица ед. числа и инфинитива авторского текста отражает строгую церковнославянскую норму. В редакции Гермогена появляются русские инновации и в презенсе (21:22, 95%): *Почто убо, свою жену **остава**, чюжиа мыслиши!* → *Ты же свою жену **оставляеши**, а на чюжюю мыслиши!* – и в инфинитиве (64:65, 98%): *Он же, неприязнивый прелестник... **непщева тайну к ней изреши**, глаголя* → *Он же, неприязнивый прелестник ... **мнев, яко сохранит сию тайну его жена и никому же повесть** сказаннаго ей, глагола ей...; Божию милостию смиренный Ермоген... **потрудишся написать** моею брэнною рукою житие*.

4 Сопоставление активности основных лексико-семантических групп простых претеритов указывает на несущественное различие в употреблении как наиболее продуктивных групп, например, глаголы речи и ментальной деятельности активнее в авторской редакции (соответственно 62:314, 20% и

59:345, 18%; 8:314, 2.5% и 6:332, 2%); глаголы движения и глаголы бытия – в редакции Гермогена (35:314, 11% и 44:332, 13%; 24:314, 8% и 32:332, 10%); так и лексико-семантических групп с единичными глаголами в составе (185:314, 59% и 191:332, 58%); что может служить подтверждением усиления элементов художественности и проявления авторской, в том числе и языковой, личности Ермолая-Еразма.

5 Таким образом, в тексте Ермолая-Еразма реализован незначительно более строгий вариант церковнославянской нормы в употреблении претеритов, в оформлении финалей инфинитива и презенса 2 лица ед. числа. Дуалис, несмотря на высокую вариативность в оформлении, осознается как маркер церковнославянской нормы в обеих редакциях, но в редакции Гермогена норма реализована более последовательно.

Во втором разделе анализируется употребление претеритов «Повести о епископе Василии» и прослеживается эволюция нормализаторских стратегий редакторов в XVI–XVII вв., что позволило сделать следующие выводы:

1.1 Претеритальная парадигма авторской редакции ориентирована на церковнославянскую норму такими маркерами, как состав парадигмы, включающей простые претериты с существенным преобладанием аориста (38:50, 76%), их последовательной видовой соотнесенностью, использованием нестяженных форм имперфекта *беяше, беяху, имеяше* (3:12, 25%).

Аномальное формообразование единично и проявляется в употреблении в контексте связанного дуалиса формы аориста мн. числа (*два князи ... начаша державствовати*), тем не менее маркированность дуалиса проявляется в оформлении имен *страдание ею, множае двусот поприщ* (4:17, 24%).

1.2 Во втором варианте первой редакции сохраняется книжный состав претеритальной парадигмы (только простые претериты). Однако сокращение имперфекта (8:48, 17%; ср. 24% в авторском тексте) за счет замены формами аориста *беяху* → *установися*, причастия *имеяше* → *имея*, презенса *нарицахуся* → *нарицаются*, стяжение нестяженных форм (*беяше* → *бяше*) указывают на некоторое обмирщение морфологической нормы. Очевидно, что аргументом для включения редакции в Минеи Четии стало содержательное ее исправление, в частности – акцентированное указание на Божественную силу как источник «чуда о перенесении епископа по воде».

1.3 В рукописи Долгова возрастает использование имперфекта (15:50, 30%) за счет расширения контекста и замены причастия (*стоя* → *стояше*), но влияние живой речи проявляется в введении -л-формы и некорректной формы имперфекта (*И воображаяся в девицу, и показуя себе из храмины епископа овогда во оконце его, иногда же преход творя из храмины его*, автор. ред. → *И воображался в девицу, и показуя себе из храмины епископа овогда во оконце его, иногда же преход творяши из храмины его*, рук. Долгова), а также в замене аориста страдательным причастием без связки-претерита (*примча вверх по реце* → *примчан вверх по реце*), в сохранении при связанном дуалисе плюральной формы аориста (*два князя начаша*).

2 Дв. число как маркер церковнославянской нормы находит отражение в формообразовании имен (4:17, 24%; 5:13, 38%; 3:17, 18%) во всех редакциях ПЕВ, причем минейная редакция демонстрирует бóльшую степень маркированности. Эта тенденция не затрагивает оформление претерита в единственном дуальном контексте *два князя начаша* (вм. *начаста*) *державствовати*.

6 В формах презенса 2 лица ед. числа и инфинитива во всех списках отражены церковнославянские финали *-ши* и *-ти*.

Таким образом, в авторской редакции ПЕВ, созданной в окружении Ермаля-Еразма, церковнославянская норма в употреблении претеритов, оформлении 2 лица ед. числа презенса и инфинитива реализована наиболее последовательно. Оформление дв. числа в памятнике непоказательно в силу единственности дуального контекста.

В главе 3 «Эволюция употребления глагольных форм в различных редакциях “Повести об Улиянии Осорьиной”» выявляются тенденции нормализации употребления глагольных форм в первой половине XVII в.

1.1 В близкой к авторской первой редакции основным средством выражения прошедшего действия являются простые претериты (311:312, 99.7%); единственная форма перфекта использована в прямой речи со связкой в постпозиции *и рече*: «**Соблазнился еси**, егда о себе глаголеши» как отражение русского извода церковнославянской нормы. Соотношение употребительности аориста (167:312, 54%) и имперфекта (144:312, 46%) подтверждает уже сложившееся в языке видовое противопоставление как доминанту семантико-грамматических различий простых претеритов, причем образование форм имперфекта от основ совершенного вида несущественно мало: *Свекры же... послаше* (вм. *посылаше*) *ей пишу доволну не точию в день, но и в ночь; «Аз ти многу спону творих* (вм. *творях*) *по вся дни*».

1.2 Редактор первого варианта второй редакции, усиливая нравоучительный – собственно житийный – потенциал произведения, значительно расширяет текст эпизодами и комментариями, направленными на придание образу героини большей аскетичности. На грамматическом уровне это реализовано значительным увеличением корпуса претеритов, не меняющим, однако, соотношение форм: простые претериты остаются основным средством выражения прошедшего действия (479:485, 98.7%), употребление имперфекта незначительно меньше, чем аориста. Тенденция к большей строгости нормы проявляется и в случаях коррекции или усиления видовой принадлежности производящей основы простых претеритов *послаше* → *посылаше*; *ляже* → *возлеже*; *бе* → *бываше*; *везоша* → *отвезоша*; *моли* → *умоли*; унификации временных форм в едином контексте *обходихом*, *вземлем*, *не ядохом* → *обходим*, *приемлем*, *не наядаемся*.

Выявлены противоположные тенденции сохранения перфекта со связкой при цитировании канонического текста (Пс.118:71) «*Благо мне, яко смирил мя еси*, да научюся оправданием твоим» и включение бессвязочных форм при авторском изложении: *Аще ли же и оженишися, не согрешил еси* (1 Кор., 28) → *яко же рече великий апостол Павел...: «Женившийся не согрешил, но закон*

исполнил», 2.1. Влиянием живой речи объясняется утрата имперфекта-связки в составном предикате *заперт бяше* → *заперт*.

Как механизм расширения текста второй редакции высоко употребительно воспроизведение предикативной структуры протографа 'именное причастие–второстепенное сказуемое + простой претерит–основное сказуемое' с различными вариантами трансформации, чаще усложнения: *возлюбля чтяше и имея прилежашие* → *возлюби чтяше и имяше, прилежашие*; *не приставляше и возлагая, и хотя* → *приставляше, возлагаше, и хотяше*; *пожив и роди* → *поживши и родивше*; *пожив показа и разда, разчиташе, растакаше* → *поживе показа и расточи, оставляше разчитая, растакаше*; *неразумныя наказуя исправляше, возлагаше* → *раби бяху неразумнии, пререковаху/терпяше, исправляше и возлагаше глаголя*, что отражает усиление роли именного причастия в передаче претеритального значения и оформление категории деепричастия в качестве маркированного грамматического средства.

Большее окнижение нормы происходит при замене простых претеритов инфинитивом и создании маркированной конструкции 'Д. падеж с инфинитивом в значении результата': *вси дивляхуся и славяху бога* → *всем дивитися и славити бога*; *совещастася вкупе жити* → *умоли, еже жити им вкупе*.

1.3 В списке второго варианта второй редакции ПУО сохраняется сложная претеритальная система с существенным преобладанием простых претеритов (380:394, 96.4%), но разночтения приводят к менее строгой норме, что проявляется в сокращении форм имперфекта (ср. по редакциям: 46.2, 44.1 и 34%); в росте употребления -л-форм (ср. по редакциям: 0, 0.6 и 2.3%), которые заменяют формы аориста или введены заново: *бе изобилие / обилие, тогда не могох к ядению принудити*, 1, 2.1 → *егда хлебу было обилие, тогда хлеба яла мало, и не могох к ядению принудити*, 2.2; *истроши / растроши*, 1, 2.1 → *раздала*, 2.2; «Господь даст, господь и взят», 2.1 → «Господь дал, господь и взя», 2.2; *а богови угоди*, 2.1 → *угодила богу*, 2.2; в заменах претеритов формами *praesens historicum*: *глаголаху ей* → *глаголют ей*; *не бе церкви* → *несть церкви*; корректных форм 3 лица формами 1 лица *взимаше и даяше*, 1, 2.1 → *взимах и раздаюше*, 2.2; *возлегаше*, 1, 2.1 → *возлегах*, 2.2; *поставляше, и учрежаше*, 2.1 → *поставляше, учрежах*, 2.2.

Противоположная тенденция к более строгому варианту нормы демонстрируют замены стяженной формы имперфекта *нестяженной имяста* → *имеяста* и -л-форм в изложении канонического текста перфектом со связкой «Женившийся не *согрешил*, но закон *исполнил есть*», а также более частые, чем в предшествующих редакциях, примеры усложнения базовой предикативной структуры, например: *Генваря во 2-й день, свитающе дню, призва отца духовнаго и причастися святых тайн. И сед, призва дети и рабы своя и поучив их о любви, и о молитве..*, 1(Дат. самост., А и А / прич., А и прич.) → *Генваря же во 2-й день, свитающе дню, призва отца духовнаго, Афанаasia иереа, и причастися животворящих тайн тела и крове Христа бога нашего, и седе на одре своем. И призва дети своя, и рабы, и вся живущая в селе том, и поучи я о любви, и о молитве, и о милостыни..*, 2.1 (Дат. самост., А

и А и А / А и А) → Генваря же во второй день **свитающе** дню, **призвав** отца духовнаго, и **причастився** животворящих тайн тела и крови Христа бога нашего, и **сиде** на одре своем, **призва** дети и рабы своя, сущия в селе том, **поучив** их о любви и о милостыни..., 2.2 (Дат. самост., прич. и прич., и А и А / прич., А и прич.); а также: глагола, 1 → **видевшии**, глагола, 2.1 → **видя**, **дивяся** и глагола, 2.2; **виде**, **хотяще**, **рекуще**, 1 → **виде**, **хотяще**, и **начаша**, **рекущи**, 2.1 → **видевшии**, **хотяху**, **давлыху**, **рекуще**, 2.2.

1.3 Пословное сопоставление текста эпизода «явление святого Николая» в разных редакциях также указывает на активизацию именных причастий в предикативной функции в маркированных конструкциях ‘причастие + личный глагол речи или восприятия’, ‘причастие + причастие’, например: *Бес же **плача**, **вопяише***: «... к самой же не смеях приблизиться ради милостыни и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани в руках **имея** четки, **глаголя** Иисову молитву. *Аще **ядяише** и **пияише** ли что **делая***, непрестанно молитву **глаголаше**, 1 → *Бес же **плакаше**, **глаголя***: «... К ней же, не смеях приблизиться ради милостыни ея, и смирения, и молитвы». Понеже бо безпрестани четки в руках своих **имяише**, **творя** Иисову молитву; *аще **ядяише** и **пияише** или что **делаише***, непрестанно молитву иисову **творяише**, 2.1 → *К ней же **не смея*** приблизиться ради милостыни и смирения и молитвы, она бо, четки **имущи** в руках, безпрестани молитву Иисову **глаголя**; *егда **ядяише** или **пияише** или что **делая***, безпрестанно, 2.2); ‘страдательное причастие + связка-претерит, функциональный эквивалент спрягаемых невозвратных форм в пассивных оборотах’ (и *абие **невидим бысть***, 1, 2.1, 2.2; *еже **бе отлучена** на приятие гостей странных*, 2.1).

Судя по количественным показателям их употребления (8:37, 18% – ред.1; 10:42, 19% – ред.2.1; 13:31, 30% – ред.2.2) можно говорить о последовательном усилении ориентированности на церковнославянскую норму эпизода к середине XVII в.

2 В оформлении дуальных форм претерита в редакциях ЖУО проявляется высокая вариативность, с одной стороны, в сохранении корректных форм (*И **живяста** во всяком благоверии и чистоте, и **имяста** сыны и дщери*, 1 → ***живяста** во всяком благоверии и чистоте, **имяста** многи сыны и дщери*, 2.1 → ***живяста** же во всяком благоверии и чистоте, **имущи** многи сыны и дщери*, 2.2); в замене гиперкорректной формы дуалиса требуемой контекстом формой плюралиса (*утроба ея **подвизастася***, 1; *утроба подвизашеся*, 2.1 → *и **утроба подвизася***, 2.2); в появлении гиперкорректной формы дуалиса (*От них же доброразсуднии **обещахуся** с нею терпети, а инии отъидоша*, 1 → *От них же доброразсуднии **обещашася** с нею терпети, а инии отидоша*, 2.1 → *От них же доброразсуднии **обещаста ся** с нею терпети, инии же отидоша*, 2.2); с другой стороны, в заменах требуемого контекстом дуалиса формами плюралиса или во введении новых некорректных форм (и ***повелеста*** (свекор и свековрь. – Н.С.) *ей все домовное строение правити*, 1 → ***обрадовастася** о ней и хвалу богови **воздаша*** (вм. *воздаста*) и ***повелеста** ей все домовное строение правити*, 2.1 → *и **обрадовашася*** (вм. *обрадовастася*) о

ней и благодарение богovi **воздаша**, и повелеста ей все домовное строити и правити, 2.2), а также в сохранении плюральных форм в конструкции с двумя именами (*венчани быша*, 1; *венчана быша*, 2.1 → и *венчани быша*, 2.2).

Количественные показатели корректного оформления (соответственно 33, 63 и 43%) указывают на достаточно высокий уровень реализации грамматических представлений книжников первой половины XVII в. о дуалисе как маркере церковнославянской нормы, причем в редакции 30–40-х гг. она проявляется в наибольшей степени.

3 В оформлении финали инфинитива во всех проанализированных редакциях выявлена строгая церковнославянская норма *-ти*.

В оформлении финали презенса 2 лица ед. числа степень строгости нормы различна (5:7, 71%; 11:11, 100%; 11:12, 92%): употребленные в прямой речи героев русские инновации первой редакции последовательно заменяются в последующих редакциях: *И виде многи бесы ... рекуще: «Аще не престанеши от такового начинания, абие погубим тя!»*, 1 → *И виде множество бесов... рекущи: «Аще не престанеши от такового начинания, то абие погубим тя!»*, 2.1 → *И видеши множество бесов ... рекуще: «Аще не престанеши от такового начинания, абие погубим тя!»*. Единственная обратная замена отражена во втором варианте второй редакции: *Мнози же знаеши глаголаху ей: «Что в такой старости тело свое томиши?»*, 2.1 → *Мнози же знаеши глаголаху ей: «Что в такой старости о тело свое томишь?»*, 2.2.

4 Как показывает сопоставление наиболее употребительных лексико-семантических групп претеритов, глаголы бытия в первой и второй 1 вариант редакциях менее активны (11:311, 4%; 23:479, 5%), чем во второй редакции 2 вариант (26:380, 7%); частотность глаголов речи во второй редакции 1 вариант (41:479, 9%) существенно выше, чем в первой (19:311, 6%) и во второй 2 вариант (16:380, 4%); глаголы движения и моления демонстрирует снижение частотности по редакциям: первая редакция (17:311, 5%, 9:311, 3%) → вторая редакция 1 вариант (19:479, 4%, 11:479, 2%) → вторая редакция 2 вариант (12:380, 3%, 5:380, 1%); употребительность претеритов *дати* в первой и второй редакции 2 вариант (13:311, 4%, 16:380, 4%) одинакова, во второй 1 вариант (14:485, 3%) ниже. Если учитывать только эти показатели, то можно говорить, что редакторская правка во второй редакции 1 и 2 вариантах Повести имеет скорее характер грамматический, а не содержательный. Однако этот вывод значимо корректируется с учетом того, каков общий объем этих наиболее частотных групп претеритов по отношению ко всей претеритальной лексике каждой редакции: 69:311, 22%; 108:479, 23%; 75:380, 20%. Таким образом, в передаче претеритального значения вторая редакция 2 вариант оказывается лексически богаче и разнообразнее, чем первая редакция и вторая редакция 1 вариант.

5 Таким образом, исследованные редакции ПУО в употреблении претерита, презенса 2 лица ед. числа и инфинитива ориентированы на церковнославянскую норму, в оформлении дуалиса в первой и во второй второго ва-

рианта редакциях высока вариативность форм, первый вариант второй редакции демонстрирует существенное преобладание корректного оформления корректных форм претерита в дуальных контекстах.

В заключении обобщаются данные качественного и количественного анализа употребления претеритов, форм дуалиса, 2 лица ед. числа настоящего времени и инфинитива в житийно-повествовательных памятниках XV–первой половины XVII в.

Анализ морфологических разночтений в их разновременных редакциях и списках выявляет различную степень «окнижения» грамматической нормы при общей тенденции приближения к агиографическому канону к середине XVII в. (количественные показатели представлены в Таблице 1).

Таблица 1

Количественные характеристики норм употребления глагольных форм в исследованных памятниках

критерии нормы редакций памятников		претер.		дв. ч.		инфинитив		наст. вр. 2 ед.	
		А, И, П, К, П	л- фор- ма	дв. ч.	МН. / ед. ч.	-ти	-ть	-ши	-шь
ЖМК	1А	49%	51%	–	100%	73%	7%	29%	71%
	1Б	62%	38%	–	100%	79%	1%	72%	18%
	2	79%	21%	–	100%	86%	4%	65%	35%
	Туч.	100%	–	–	100%	99.5%	0.5%	100%	–
ППФ	1	100%	–	45%	55%	100%	–	100%	–
	Герм.	96.4%	0.6%	59%	41%	98%	2%	95%	5%
ПЕВ	1.1	100%	–	–	100%	100%	–	100%	–
	1.2	100%	–	–	100%	100%	–	100%	–
	Долг.	98%	2%	–	100%	100%	–	–	–
ПУО	1	100%	–	33%	67%	100%	–	71%	29%
	2.1	99.4%	0.6%	63%	37%	100%	–	100%	–
	2.2	97.7%	2.3%	43%	57%	100%	–	92%	8%

1 Ранние, наиболее близкие к авторским, редакции рассмотренных житийно-повествовательных памятников отражают церковнославянские нормы с различной степенью вариативности.

Ранняя редакция Жития Михаила Клопского (1479–1480) демонстрирует существенное влияние живой речи, проявляющееся в *употреблении глагольных форм в претеритальном значении* в преобладании л-форм при полном отсутствии имперфекта, широком отражении форм *praesens historicum* как средства усиления сказовости нарратива; в *оформлении дуальных контекстов* – в отсутствии корректных форм дуалиса претеритов при наличии таковых для имен; в оформлении *финали презенса 2 лица ед. числа* – в существенном преобладании русской инновации *-шь*; преобладание форм на *-ти* в оформлении *инфинитива* с учетом общих для периода и жанра тенденций также свидетельствует о высоком влиянии русской инновации.

Авторская редакция «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма (сер. XVI) отражает ориентацию на церковнославянскую норму и в реализации четырехчленной *претеритальной парадигмы* с существенным преобладанием простых претеритов, присвязочным употреблением перфекта, оформлением простых претеритов 3 лица вторичной флексией *-тъ*, использованием нестяженных форм имперфекта, активном использовании именных причастий в функции единственного предиката; и в последовательном оформлении *инфинитива и презенса 2 лица ед. числа* только церковнославянскими флексиями; и в корректном оформлении *дуалиса* почти половины форм претерита.

Созданная в ближайшем окружении Ермолая-Еразма «Повесть о епископе Василии» (сер. XVI) в употреблении *претеритов*, оформлении *инфинитива и презенса 2 лица ед. числа* отражает строгую церковнославянскую норму; единственный претерита в *дуальном контексте* в форме мн. числа в силу недостаточности выборки не позволяет делать выводы.

Первая редакция «Повести об Улиянии Осорьиной» (рубеж XVI–XVII) в употреблении *претеритов* и оформлении *инфинитива* отражает строгую церковнославянскую норму; ориентация на нее проявляется в существенном преобладании форм *презенса 2 лица ед. числа* на *-ии* (71%), а также в маркированности *дуальных форм* претерита.

2 Анализ морфологических разночтений в разновременных редакциях и списках повествовательно-житийных памятников выявляет высокую степень «окнижения» грамматической нормы.

Несмотря на отмечаемое всеми исследователями как характерное для севернорусских житий на всем протяжении XVI–XVII вв. влияние живой речи уже в ранних списках первой и второй редакций Жития Михаила Клопского наблюдается последовательное усиление строгости нормы, достигающее безвариантности в Тучковской редакции, в *претеритальной парадигме* за счет замены *-л-*форм формами простых претеритов; в оформлении финалей *инфинитива и презенса 2 лица ед. числа*; противоположная тенденция отражена в оформлении *дуальных контекстов*, где все претериты представлены формами ед. или мн. числа.

Усиление влияния элементов художественности и авторского начала, в том числе языковой личности автора приводит к тому, что «Повесть о Петре и Февронии» оказывается вне общей тенденции к последовательному «окнижению» морфологической нормы редакциями житийно-повествовательных памятников: в редакции Ермолая-Еразма реализован незначительно более строгий вариант церковнославянской нормы в употреблении *претеритов*, в оформлении финалей *презенса 2 лица ед. числа* и *инфинитива*. Общая тенденция проявляется в оформлении *претеритов в дуальных контекстах*, отражающем более строгую норму в редакции Гермогена.

Все редакции «Повести о епископе Василии» в употреблении *претеритов*, в оформлении *инфинитива и презенса 2 лица ед. числа* демонстрируют безвариантную церковнославянскую норму. Однако характер разночтений

(замена всех нестяженных имперфектов авторской редакции, включение -л- формы и составного предиката – именного страдательного причастия без претеритальной связки) указывают на формирующийся большой «демократизм» церковнославянской нормы в двух более поздних текстах в отличие от авторского, созданного в окружении Ермолая-Еразма. Единственный *претерит при связанном дуализме* во всех редакциях использован во мн. числе.

Редакции «Повести об Улиянии Осорьбиной» в употреблении *претеритов* и оформлении *инфинитива* и *презенса 2 лица ед. числа* отражают строгую церковнославянскую норму с несущественной вариантностью в первом варианте второй редакции. Однако более широкий анализ показывает, что нормализация текста в 2.1–редакции касается и жанровых топосов (усиление нравоучительного потенциала произведения через существенное расширение текста), и таких грамматических признаков, как корректное оформление претеритов в большинстве дуальных контекстов; усиление роли форм именного причастия в передаче претеритального значения. Последний признак активизируется и в 2.2–редакции, отражая усиление предикативной активности причастия во второй половине XVI – первой половине XVII в.

3 Данная тенденция подтверждается и результатами пословного анализа отдельных эпизодов в редакциях всех исследуемых памятников, и результатами анализа лексического состава простых претеритов.

Выявление состава ЛСГ в редакциях (количественные характеристики приведены в Таблице 2) и сопоставление их позволяет выделить глаголы речи, движения и бытия как наиболее продуктивные.

Близкие к авторским редакции «Жития Михаила Клопского» и «Повести о епископе Василии» характеризуются общностью лексического ядра претеритов (три основные ЛСГ в ЖМК 1А, 1Б – 53 и 52%, в ПЕВ 1.1 – 52%) и общей тенденцией к обогащению лексического состава претеритов (в поздних редакциях новые ЛСГ составляют 63% и 79% в ЖМК; 73,5% и 68% в ПЕВ).

Таблица 2

Количественные характеристики употребления лексико-семантических групп претеритов

редакции лсг	ЖМК				ППФ		ПЕВ			ПУО		
	1А	1Б	2	Тучк.	1	Герм.	1.1	1.2	Долг.	1	2.1	2.2
речи	25%	33%	18%	7%	19%	18%	12%	8%	12%	6%	9%	4%
движения	16%	9%	7%	10%	11%	13%	18%	6%	8%	5%	4%	3%
бытия	12%	10%	12%	4%	8%	10%	18%	12,5%	12%	4%	5%	7%
другие	47%	48%	63%	79%	62%	59%	52%	73,5%	68%	85%	82%	86%

Иная тенденция намечается в «Повести о Петре и Февронии», где «лексическая индивидуальность» в использовании простых претеритов в редакции Ермолая-Еразма даже несущественно выше, чем в последующей редакции Гермогена. Можно предполагать, что единство авторского замысла, реализованного как в поэтике (синтез разножанровых элементов в топосах агио-

графии), так и в нормативной организации текста (в частности, проанализированных нами глагольных форм и их лексико-семантических групп), не дало возможности патриарху Гермогену адаптировать редакцию в контексте требований канона Миней-Четиих.

В редакциях «Повести о Улиании Осорьиной» ЛСГ, составляющие лексическую доминанту в системе претеритов, не выявляются вообще, что обусловлено активным включением в структуру предиката с претеритальным значением именных форм причастия, которые на протяжении XVI – первой половины XVII в. также становятся маркерами строгой церковнославянской нормы житийно-повествовательных письменности среднерусского периода.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих **публикациях**:

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1 Оформление инфинитива в разных редакциях «Повести о житии Михаила Клопского»: нормативный аспект // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 31-33.

2 Изучение форм и функций претеритов в «Повести об Улиании Осорьиной» (первая половина XVII века) // Интеграция образования. – 2011. – Вып. 2. – С. 101-104.

3 Глагольные формы в «Повести о епископе Василии»: нормативный аспект // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 3. – С. 137-141.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4 Формы инфинитива в житийно-повествовательной литературе XV–XVI вв. // Мат. докл. XVI науч. конф. молодых ученых Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева. Ч. 5. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С.308-311.

5 Морфологические нормы в языке «Повести о епископе Василии»: претеритальная система и категория двойственного числа // Мат. XL Огаревских чтений. Ч. 3. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С.450-454.

6 Реализация категории двойственного числа в «Повести об Улиании Осорьиной» (на материале разновременных редакций) // Русский язык в контексте национальной культуры: мат. II Междунар. науч. конф. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 224-228.

7 Глагольные формы с претеритальным значением в редакциях «Повести о житии Михаила Клопского»: эволюция нормы на протяжении XV–XVI вв. // Наука и образование XXI века: сб. ст. Междун. науч.-практ. конф. Ч. 5. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С.267-271.